

Моск. коллекционер, -1989. - 3 авг.

- «ИГРА
В ЖМУРИКИ»
- КТО ЗНАЛ ПОЭТА?
- ЕЩЕ РАЗ
О БЕЛИНКОВЕ

Градус солнечной широты

ДРАМАТУРГ С АВЕНЮ ДЕ ЖЕНОТ

МИХАИЛ ВОЛОХОВ живет в Париже, его родители — в Москве. История, как он оказался на авеню Де Женот, достаточно романтическая. В метро у Красных ворот у книжного ларька увидел он существо юное и грациозное — мадмуазель Шанталь выбирала книгу и обратилась за помощью к чернобородому парню. Она училась в Институте русского языка имени Пушкина, куда была приглашена на стажировку... Через неделю пос-

ле неожиданной встречи они посетили московский ЗАГС...

Словом, вот уже третий год он парижанин.

К чему я так расписываю незнакомого публике Михаила Волохова?

По причине возвышенной — он драматург. Его пьеса «Компаньонка» идет в предместье Парижа Сержи Понтуа в театре «95». Режиссер спектакля Жуэль Драгутан, сам наполовину русский, назвал спектакль «Реквием». Естественно, идет он на французском языке и, как вы уже догадались, перевела его госпожа Шанталь Волохова. А дочка Мария уже лепечет на двух языках.

Пьеса Михаила Волохова — о чем она? Ее нервная струна — трагизм бытия, обремененного множеством неразрешимых проблем. Когда французских актеров спросили, какие традиции русской литературы они вспоминают, играя пьесу молодого драматурга, они отметили влияние философии русского религиозного экзистенциализма, связь с манерой Достоевского.

Сейчас Михаил Волохов в Москве. Не мешает сказать, что он сохранил советское гражданство — не пошел на легкую политическую игру, не клюнул на конъюнктуру. Естественность и основательность собственной позиции и там, в Париже, и, наверно, везде ценят больше.

Нас познакомил его давний друг — драматург Владимир Листовский, близкий

Волохову и по духу, и по творческому почерку.

В Москве в театре «Трем», что находится на Плющихе, уже год идет пьеса Михаила Волохова «Сорок восьмой градус солнечной широты» в постановке Евгения Казакова.

Я беседую с Михаилом Волоховым у нас в редакции.

— Каждый драматург должен нести на сцену новые театральные идеи. Что вы думаете по этому поводу?

— Был театр, который развивал идеи Чехова. Они и, может быть, современнее развиваются на Западе, скажем, во французской драматургии. Как ни странно, но я называю Камю, Ионеско, в Америке — Олби, Теннесси Уильямса. Я считаю, что Чехов, как и Достоевский, развивая философию абсурдного человеческого существования, сумел создать новый театр XX века.

Это чеховское направление я воспринимаю сквозь призму открытий западного театра.

— Но ведь жизнь человеческого духа не останавливалась на Чехове.

— Безусловно. И потому я ищу в русской литературе, в русских религиозно-экзистенциальных учениях, в частности, Льва Шестова, Николая Бердяева, духовную и творческую опору, создавая свои пьесы — траги-фарсовые постижение действительности.

В разговор вступает Владимир Листовский:

— Когда я читаю Волохова, почему-то вспоминаю печально знаменитую фразу «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью». В пьесах Михаила наша московская действительность получает исключительно своеобразное преломление. Пьесы Волохова написаны в начале восьмидесятых годов совсем юным драматургом и через десять лет все еще воспринимаются свежо. Волохов портретирует так называемые низы, падших. «48-й градус...», я считаю, имеет право на подзаголовок: «Два часа в шкуре московского сутенера». Я нашел в его пьесах открытие современного социального типа. Новых «хозяев жизни».

— Откуда, Михаил, ваше познание закулисной стороны нашей обыденности?

— Так случилось, я жил в кунаевском Казахстане. На одной лестнице с родными Кунаева и бывшим первым секретарем Чимкентского обкома. Мой дед работал 30 лет

в обкоме и ЦК республики парикмахером. Стриг самого Кунаева. Дед, правда, был непрост: знал пять языков, в свое время — до 1939 года — в Ровно руководил Еврейским театром, часть доходов от которого шла в пользу бедных.

— Наша публицистика отбрасывает нынче хлеб у драматургов. Она мобильнее следует за событиями и располагает убийственными фактами. Но, безусловно, у драматургов есть свои преимущества.

— Я тоже так думаю. Драматург заходит туда, куда не сумеет заглянуть никакой фактограф. Здесь по-пушкински: у бездны на краю. Моя последняя пьеса «Игра в жмурики» написана в Париже и продолжает ту же тему исследования растленных душ. И, думаю, никому не дано сказать об этом последнее слово.

— Почему Евгений Казаков выбрал вашу пьесу?

— Не знаю. Евгений Степанович не был со мной знаком. Он нашел пьесу совершенно случайно. Тем радостнее, что мы эмоционально совпали.

— Какому советскому театру вы бы предложили свою новую пьесу?

— Был бы счастлив, если бы «Игра в жмурики» понравилась талантливейшему вильнюсскому режиссеру Някрёшюсу. Я видел в его постановке «Дядю Ваню» — это фантастика!

— Удастся ли вам в вашем парижском далеке читать русских авторов?

— В Париже три русских магазина, где я постоянно покупаю новинки и переиздания давно «забытых» писателей. Самым сильным откровением для меня стали «Колымские рассказы» Варлама Шаламова.

— Обстоятельства заставили вас испытать невольное душевное раздвоение. Может быть, это и есть счастливое творческое состояние?

— В принципе, да. Человек пишет лучше, когда ему всего труднее. Студентом МВТУ, на третьем курсе, во время практики, я сел и написал роман в триста страниц. Все, в том числе и моя мама, решили, что я спятил. И, представьте, мама ринулась проверять у психиатров Института имени Корсакова, все ли со мной в порядке. Целый месяц я провел в палате среди душевнобольных. И, как видите, живой и невредимый. А теперь вот ведь как сложилось: театр «Трем», поставивший мою пьесу, находится в ста метрах от памятной больницы. И моя мама может смотреть спектакль по пьесе своего неожиданного поступающего сына.

Вела беседу
Наталья ДАРДЫКИНА.

